

УДК 821.111-31"20".09(045)

*Е.В. Кашулина***ПРОБЛЕМА БИОЭТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНТИУТОПИЯХ XXI ВЕКА**

В свете стремительного развития современных технологий проблема биоэтики становится с каждым годом все более актуальной. Данная тенденция наиболее заметна в антиутопическом дискурсе. В данной статье рассматриваются особенности актуализации проблем биоэтики и моральный аспект проблемы применения биотехнологий на примере двух англоязычных романов XXI в.: «Общество самоубийц» Р. Хенг и «Не отпускай меня» К. Исигуро. Выбранные произведения представляют перспективный объект исследования особенностей трансформации антиутопического дискурса в контексте развития медицинских технологий и гуманности их использования в современном мире. Демонстрируется, как в антиутопиях XXI в. переосмысливаются и доводятся до абсурда научные достижения, что приводит к негативным последствиям в обществе. Анализ сюжета произведений позволяет говорить о том, что антиутопии, в которых биоэтические проблемы являются ключевыми, выполняют главную функцию заявленного жанра – предупреждающую.

Ключевые слова: антиутопия, биоэтика, Исигуро, сюжет, Хенг.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-454-459

Антиутопия – жанр, быстро и остро реагирующий на страхи общества. Перейдя в активную фазу развития в начале XX в., жанр, обладая рядом характерных черт, значительно трансформируется в последние десятилетия. Несмотря на то, что основной темой антиутопии выступает тоталитарный режим, его трактовка в литературе XX и XXI вв. различна.

Можно говорить о том, что, ставшая сегодня классической, антиутопия Дж. Оруэлла «1984», уже не отображает все страхи современного общества. Развитие технологий провоцирует новые угрозы для человека, его независимости, частной жизни и свободы выбора. Современная антиутопия не только аккумулирует проблематику антиутопии XX в., но и реагирует на вызовы современности. Одним из таких вызовов является биоэтика. Биоэтика – это связующее звено «между современным арсеналом гуманитарных знаний и реальными острейшими проблемами медицинской науки и практики» [1, с. 5]

Биоэтика сегодня является быстро развивающимся феноменом человеческой культуры на стыке медицины и морали, так как стремительное развитие медицинских технологий порождает большое количество этических коллизий, которые не могут решиться в существующем правовом поле.

В мировой художественной литературе вопросы биоэтики стали подниматься и осмысливаться задолго до возникновения самой науки (1927 г.). Важно отметить, что литература подобной тематики не оформилась в отдельный жанр, но чаще всего данные произведения представляют собой примеры научной фантастики с элементами антиутопии. Кроме того, есть попытки классификации и выделения отдельных жанров: климат-фай (climate fiction), киберпанк (cyberpunk). Классическая антиутопия О. Хаксли «Дивный новый мир», написанная в начале XX в., также представляет собой произведение, в котором биоэтическая проблема (генная модификация) является одной из ведущих. Однако, в XXI в. количество произведений, в которых осмысливаются моральные аспекты медицинского и технологического прогресса, стремительно увеличивается. В качестве примера можно привести романы М. Этвуд «Орикс и Коростель», Д. Глуховского «Будущее», К. Исигуро «Клара и Солнце», К. Денниг «Поцелуй клона» и др. В них поднимается вопрос гуманности науки и целесообразности применения различных средств научного прогресса для достижения вечной жизни; авторы обращаются к таким аспектам биоэтики, как эвтаназия, клонирование и генная модификация.

На сегодняшний день существуют различные исследования, посвященные проблемам биоэтики в литературе, искусстве и философии. В книге «The Age of Dystopia» одна из глав представляет собой анализ антиутопий, в которых центральной темой является пост-человек: «Post-Apocalypse, Post-Human: Some Recent Dystopias». Автор статьи Карен Ф. Стейн в качестве материала для анализа выбирает трилогию М. Этвуд «MaddAdam» и трилогию Октавии Э. Батлер «Lilith's Brood». Автор статьи подчеркивает переход темы антиутопического дискурса от проблематики политического тоталитаризма к угрозе экологической катастрофы и генной инженерии: «in the late twentieth and early twenty-first centuries we find a prevalence of dystopias fraught with cynicism, mistrust of government, worries about

technology, and fear for the future of our planet. And the source of the problems in these recent dystopias has changed from political causes to environmental ones» [6, p. 47].

Джефф Колози (Jeff Koloze) – американский литературовед, в библиографии которого ряд публикаций посвящен проблемам биоэтики в художественной литературе. («Right-to-Life Issues in Contemporary Bioethics Fiction», «An Ethical Analysis of the Portrayal of Abortion in American Fiction: Dreiser, Hemingway, Faulkner, Dos Passos, Brautigan, and Irving» и др.).

Важное место в исследовании биоэтических проблем в современном мире занимает книга американского философа Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции» (2002). Среди ученых, занимающихся вопросами биоэтики, также можно выделить Ю. Хабермаса (Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике), П. Сингера (О вещах действительно важных. Моральные вызовы XXI века), Л. Кааса (Нестареющие тела, счастливые души: Биотехнологии в погоне за совершенством), В. Р. Поттера (Биоэтика: мост в будущее).

Роман-антиутопия сегодня, в условия глобализации, – репрезентативный феномен современной культуры. О глобализации литературы и проблеме мирового литературного канона пишет американский литературовед Дж. Пизер: «литература становится имманентно глобальной; это означает, что отдельные произведения все в большей степени формируются под воздействием социальных, политических и даже языковых течений, не ограниченных рамками одной нации или региона (...). С глобализацией мировой экономики возникает настоящая мировая, или глобальная, литература» [2, с. 7]. Возникновение транснациональных литературных течений стало возможно благодаря культурной глобализации и ускорению литературного обмена. Жанр антиутопии и его трансформация наглядно демонстрирует пример унификации проблематики, которая, выходя за рамки национальной литературы, становится глобальной.

В данной статье мы проанализируем проблему биоэтики в антиутопическом дискурсе литературы XXI в. на примере двух англоязычных романов: «Общество самоубийц» сингапурской писательницы Р. Хенг (2018) и «Не отпускай меня» британского писателя К. Исигуро (2005). Оба романа обращаются к биоэтическим проблемам, спровоцированным прорывным развитием технологий в сфере медицины. Центральной идеей выбранных антиутопий является утверждение о том, что прогресс может быть губительным для человека, если он лишает общество таких базовых ценностей, как гуманность и человеколюбие.

Обращаясь к текстам произведений, можно выделить общность проблематики: медицинские технологии, позволяющие человеку стать почти бессмертным, провоцируют ряд морально-этических проблем, среди которых центральными являются вопросы: какую цену готов заплатить человек за бессмертие, как государство может контролировать население, манипулируя идеей долголетия и бессмертия. Таким образом, на первый план в произведениях выходит идея трансгуманизма: «трансгуманизм – это философско-мировоззренческая доктрина, призывающая к использованию достижений научно-технической революции ради совершенствования умственного и физиологического потенциала человека, дабы устранить те аспекты человеческого существования, которые, по мысли трансгуманистов, для человечества нежелательны: страдания, болезни, старение и смерть» [3, с. 173].

Роман «Общество самоубийц» представляет собой жанр фантастической антиутопии: это комплексное исследование проблемы долголетия. В романе изображен мир будущего, в котором медицина победила болезни и смерть: люди в обществе делятся на условно-бессмертных и смертных. Здесь представлено разделение общества по социально-экономическому принципу, в основе которого лежит результат генетического теста, который показывает вероятную продолжительность жизни каждого человека: на основании этих результатов люди стратифицируются по разным уровням, что определяет их статус, вид деятельности и право на ряд медицинских услуг.

Для данного романа характерна одна из основных черт антиутопии: государственная система представляет собой жесткую структуру, претендующую на идеальность. Условное бессмертие (фактическое долголетие) стало возможно благодаря технологиям, в результате чего человеческая жизнь становится ценным ресурсом для государства не только с моральной точки зрения, но, главным образом, по экономическим причинам: общество заинтересовано в долгожителях, т.к. только они способны полноценно работать и быть максимально полезными для общества. Посредством принудительного долголетия в этом обществе хотят снизить рождаемость и сократить количество населения. Таким образом, в данном романе продолжается тема тоталитарного общества, в котором государство контролирует частную жизнь. Главным интересом репрессивного аппарата является здоровье граждан, что провоцирует ряд ограничений в стиле жизни социума со стороны государства.

Разделяя общество на группы (недосотенные «sub-100» и потенциально-долгоживущие «lifers»), государство финансово поддерживает только определенные категории людей, выделяя финансирование на лечение, замену органов и пр. Поставлена проблема неравномерного распределения ресурсов здравоохранения, порождающая вопрос о том, может ли реальность биогенетического неравенства (физические способности, здоровье) стать основанием социального неравенства: «It's not right that these numbers are assigned at birth (...) Who decides who gets the SmartBlood™, the replacements, the maintenance sessions?» [1]

В основе сюжета лежит утопический образ вечной жизни, что является стандартным для данного жанра. Забота о качестве жизни населения и его здоровье – безусловно, нравственное стремление, однако в контексте произведения оно порождает безнравственные последствия и ряд морально-этических проблем, спровоцированных тоталитарным устройством государства. Здоровый образ жизни, который ведут герои романа, представляет собой систему строгих ограничений. Общество, в котором фраза «Healthy mind, healthy body» стала фактически девизом, доводит до абсурда почти все правила здорового образа жизни: людям запрещено есть мясо, бегать, петь, играть на музыкальных инструментах, так как это вредит здоровью, герои постоянно следят за уровнем кортизола в крови. Пропаганда здорового образа жизни проникает во все сферы деятельности общества: например, в магазинах грейпфрут лежит на нижней полке, чтобы человек испытывал стыд, наклоняясь за фруктом с высокой долей сахара. В романе заявлена типичная для антиутопического дискурса тема надзора и тотального контроля над жизнью населения, т.к. в обществе существуют службы, которые следят за образом жизни населения и обладают рядом инструментов подавления (угроза увольнения, понижения зарплаты и пр.): «And Lea comes to realize that the life of privilege she once believed was earned is governed by a network of surveillance far more extensive than she imagined.» [7]. В «Обществе самоубийц» продолжается антиутопическая традиция проблематики подавления инакомыслия в обществе и контроля мыслей человека. Основным государственным интересом является образ жизни человека и восприятие его как рабочей силы, что приводит к дегуманизации человека государством,

Главные героини романа – Лиа и Аня – попадают в ловушку нового мира и встают перед моральным выбором, спровоцированным реалиями нового времени. Так, развитие сюжета начинается с момента, когда Лиа случайно на улице встречает своего отца, пропавшего много лет назад. Важной частью сюжета произведения является конфликт «поколений»: Лиа не принимает объективную ценность смертной жизни, в то время как отец отрицает современные медицинские технологии, которые, продлевая жизнь, фактически ее уничтожают и обесценивают. Через образ Лии показано, как искусственное вмешательство в привычный для нас порядок жизни может привести к тяжелым последствиям. Так, Лиа, являясь во взрослом возрасте конформистом, активно поддерживающим государственную систему и идею бессмертия, в детстве неосознанно с ней борется. Импульсивное и почти неконтролируемое убийство кролика Лией в детстве демонстрирует естественное стремление человека к конечности жизни, а отсутствие смерти приводит к желанию насилия: «She felt the strength in her own small fingers, and she squeezed. Gently at first, as if testing the firmness of an orange. As Domino squirmed, the flame in her belly flared, purple and hot, and she pressed harder, harder still. He was still struggling when the bones snapped, his black beady eyes bulging like tadpoles. The blood ran hot and fast in her veins, a ball of white emotion expanding in her chest. She squeezed harder and harder, even after everything was loose and crunchy and Domino was still, even after her fingernails were tipped with red» [4]; «Lea stroked Domino's matted fur, trying to take in what she had done. He is dead, she repeated to herself. I did it. I made him into this cold and sticky thing. She waited. But there was nothing» [4]. Отсутствие боязни смерти лишает людей человеческого облика, так как само общество не создает условий для формирования таких качеств, как сострадание и человечность.

Другой эпизод, демонстрирующий неприятие системы героиней, – история с одноклассником Дуайтом, которого Лиа сначала избивала, а потом убила, отключив от приборов поддержания жизни. Здесь можно увидеть более осознанный протест героини против действующей системы, нарушающей естественный ход жизни: «No, she did not want to hurt him now. The flame inside her was gone, the violence she feared replaced by a sense of peace. She was saving Dwight. She had hurt him, yes, but what the doctors and the family and the world could not see was that they were hurting him more now. Dwight was no longer there. Her gaze followed the plastic tube from Dwight's pale lips to the machine it was connected to. The machine, in turn, had a long gray cord leading from it to the power socket in the wall. When she removed the plug from the socket, all she was thinking of was Samuel. Samuel didn't get a chance to lie in his own bed one last time, didn't get a chance to feel the curtain-fluttering breeze from his window, to hear the noise of cars

and conversations floating up from the street below, to see the faces of his family around him in his home. Dwight wouldn't either, she thought, but at least he wouldn't have to suffer for another six months in this cruel white room» [4]

Вопрос искусственного поддержания жизни является одним из наиболее актуальных в сфере биоэтики, так как технические возможности медицины позволяют людям находиться в пассивном состоянии умирания в течение долгих лет. Тем не менее, вопрос о гуманности этого подхода по отношению к самому пациенту и к его родственникам до сих пор не решен. Сегодня остро стоит вопрос самого понятия смерти, так как нет четкого понимания того, что считать смертью человека: «В границах новых достижений медицины бьющееся сердце и дыхание – не есть признаки жизни. Констатация «смерти мозга» определяет личностную смерть, в границах которой допустима «растительная» (на клеточном уровне) жизнь. Новые медицинские постулаты с большим трудом адаптируются в общественном сознании, для которого очень странно суждение о том, что смерть констатирована, но человек еще дышит» [1, с. 35]. Эта проблема анализируется в истории Аньи: «She'd lost her mother, but it had been a different kind of loss, for her mother was, in theory, still there. It had been a slow, gradual loss. The kind of loss that seeped in under the door like a poisonous gas, slowly filling the room, killing the plants, making you numb inside before you even realized it was there. But she didn't know how to tell Lea this» [4]. Героиня переживает фактическую смерть матери, которая считается живой, т.к. сердце еще бьется. Здесь можно говорить об этической стороне вопроса: насколько допустимо работать над поддержанием жизни, если этот процесс превращается в продление умирания. Таким образом, возможности, которые нам сегодня дают технологии, – это управление процессом умирания другого человека, что, как следствие, влечет за собой такие моральные вопросы, как ответственность за решение о смерти другого и моральные нормы эвтаназии.

Говоря о художественных особенностях романа, следует отметить, что в произведении соблюдаются основные каноны антиутопического дискурса. Так, Лиа, которая в начале повествования соблюдает законы общества, после встречи с отцом проходит трансформацию и меняет свое мнение. В финале романа сознательное подчинение системе оборачивается мятежом героини и активными действиями против установленного порядка.

В романе центральным образом оппозиции является клуб самоубийц - террористическая организация, которая идет против установленной системы долгожительства. Члены организации протестуют против стремления к бессмертию, которое выражается через организацию запрещенных вечеринок и распространение вирусных видео, демонстрирующих акт суицида, который символизирует свободу выбора: «They're not vulnerable. They're making a choice. An informed choice» [4]. Лиа, всю жизнь следуя четко установленным правилам и постоянно отслеживая различные показатели здоровья, понимает, что члены клуба борются не только за возможность умереть, а за право на свободную жизнь: «She met other members of the Club, learned their motives through gentle questions. Some wanted to avoid even the possibility of getting trapped into becoming an immortal, others simply felt they had had enough and wanted to be in control of their own ends. Others, still, wanted to make a statement. Felt they were fighting for an idea, a fundamental right. Those were the martyrs, the idealists, the principled» [4].

Таким образом, в романе «Клуб самоубийц» поднимается целый ряд морально-этических проблем, связанных со сферой биоэтики.

Похожая проблематика является центральной в романе К. Исигуро «Не оставляй меня». Данный роман также включает в себя черты антиутопии, хотя и не соответствует всем канонам этого жанра. Автор ставит вопрос, какой ценой возможно достичь бессмертия. Повествование ведется от лица девушки, которая создана как клон-донор для трансплантации органов другим людям. Клоны-доноры лишены большинства человеческих прав: они не могут учиться, создавать семью, работать. В романе рассказывается об экспериментальном воспитании таких клонов в специальной школе Хэллшейм.

Несмотря на то, что в данном романе поднимается целый ряд экзистенциальных проблем (безысходность, жертвенность, ответственность), центральной здесь является морально-этическая проблема развития технологий и спровоцированного ими неравенства. В современной биоэтике проблема нравственных принципов трансплантологии остается дискуссионной. Безусловно, она тесно связана с вопросом существования души. К. Исигуро ставит вопрос, есть ли душа у клона: «We took away your art because we thought it would reveal your souls. Or to put it more finely, we did it to prove you had souls at all» [5, p. 255]. Фактически это является краеугольным камнем моральной стороны вопроса и наличия базовых человеческих прав у клонов. Тем не менее, в ряде религий «позитивно оценивают факт изъятия

и переноса органа умершего в тело живого человека. Римско-католическая церковь считает, что донорство в трансплантологии – это акт милосердия и нравственный долг. Протестантские богословы признают законность существования человека, получившего орган от другого, однако продажа органов считается аморальной. Иудаизм допускает пересадку органов, если речь идет о спасении человеческой жизни» [1, с. 46].

В биоэтике создание рынка органов считается неприемлемым, т.к. «коммерциализация противоречит высочайшей гуманистической идее трансплантологии: смерть служит продлению жизни» [1, с. 52]. В тексте романа коммерческая сторона вопроса хотя и не упоминается, но подразумевается. Кроме того, нарушается гуманистическая идея трансплантологии: герои произведения умирают фактически насильственной смертью. Таким образом, общество делится на тех, кто использует технологии и тех, кого используют ради их применения. Здесь возникает проблема неравенства, типичная для жанра антиутопии XX и XXI вв. Тот факт, что свобода одних – это всегда несвобода других – явно демонстрирует идею о том, что научный прогресс не приводит к свободе, равенству и абсолютному счастью всех слоев общества. Клоны, созданные ради спасения жизни, сами лишаются права на жизнь: «None of you will go to America, none of you will be film stars. And none of you will be working in supermarkets as I heard some of you planning the other day. Your lives are set out for you. You'll become adults, then before you're old, before you're even middle-aged, you'll start to donate your vital organs. That's what each of you was created to do. You're not like the actors you watch on your videos, you're not even like me. You were brought into this world for a purpose, and your futures, all of them, have been decided. So you're not to talk that way any more. You'll be leaving Hailsham before long, and it's not so far off, the day you'll be preparing for your first donations. You need to remember that» [5, p. 80].

Поскольку повествование ведется от первого лица, мы можем увидеть, как сами клоны относятся к своему предназначению и судьбе: «The idea was that when the time came, you'd be able just to unzip a bit of yourself, a kidney or something would slide out, and you'd hand it over» [5, p. 115]. Отношение к своему телу, как к сумке с органами, которую в любой момент можно расстегнуть и достать то, что необходимо, подчеркивает жестокость изображенного в романе мира.

Таким образом, развитие современных технологий порождает ряд нравственных проблем, связанных с ценностью человеческой жизни и спасением одних людей за счет других. Сегодня возможность клонирования человека уже не является научной фантастикой, а лишь вопросом времени. И возникшая этическая проблема — следствие внедрения этой технологии в жизнь.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемых в статье романах центральным является вопрос морально-этической нормы в сфере применения прогрессивных медицинских технологий. Человеческая жизнь, став объектом различных биомедицинских манипуляций, теряет свою ценность. Прогрессивные технологии ставят под сомнение уникальность и автономность человеческой личности, ее право на жизнь и свободу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дочева М.В., Ермолаева А.И. Биоэтика: Ч. II. Основные моральные нормы и принципы биомедицинской этики: учебно-методические рекомендации к практическим занятиям по биоэтике. Пенза: ПГУ, 2008. 233 с.
2. Лозинская Е.В. Пизер Дж. Концепция "мировой литературы" у Гёте и современная глобализация культуры. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2003. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2003-02-001-pizer-dzh-kontseptsiya-mirovoy-literatu-ry-u-gyote-i-sovremennaya-globalizatsiya-kultury-pizer-j-goethes-world-literature>
3. Пилецкий С.Г. О гуманизме и трансгуманизме // Идеи и идеалы. 2021. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-gumanizme-i-transgumanizme>
4. Heng R. Suicide club. Henry Holt & Company, 2018. 352 p. e-ISBN 9781250185358
5. Ishiguro K. Never let me go. Faber and faber, 2005. 368 p.
6. Karen F. Stein Post-apocalypse, post-human: some recent dystopias // The Age of Dystopia: One Genre, Our Fears and Our Future. Cambridge, 2016. 180p.
7. Smith R.I. Suicide Club Takes On the Tyranny of Wellness. URL: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2018/08/suicide-club-takes-on-the-tyranny-of-wellness/568936/>

Кашулина Евгения Васильевна, аспирант кафедры зарубежной литературы
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
199053, Россия, г. Санкт-Петербург, 1 линия Васильевского острова, 52
E-mail: ekashulina@gmail.com

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-454-459

E.V. Kashulina

BIOETHICAL PROBLEMS IN THE ENGLISH-LANGUAGE DYSTOPIAN FICTION OF XXIST CENTURY

With the rapid development of the modern technologies the bioethical problem is becoming more topical every year. This tendency is most noticeable in dystopian discourse. This article discusses the features of actualizing the problems of bioethics as well as the moral aspect of the problem of applying biotechnologies on the example of two English-language novels of the 21st century: "Suicide Club" by R. Heng and "Never Let Me Go" by K. Ishiguro. The selected works represent a perspective object to research the features of the transformation of dystopian discourse in the context of the development of medical technologies and the humanity of their use in the modern world. It is shown how scientific achievements are reconsidered in the dystopias of the 21st century, and brought to the point of absurdity, which leads to negative consequences in society. The analysis of the plot of the novels allows us to say that dystopias, in which bioethical problems are crucial, perform the main function of the genre – warning.

Keywords: dystopia, bioethics, Ishiguro, plot, Heng.

REFERENCES

1. Docheva M.V., Ermolaeva A.I. Bioetika: Ch. II. Osnovnye moral'nye normy i principy biomedicinskoj etiki: uchebno-metodicheskie rekomendacii k prakticheskim zanyatiyam po bioetike [Bioethics: Part 2. The main moral norms and principles of biomedical ethics]. Penza: PSU, 2008. 233 p. (In Russian).
2. Lozinskaya E.V. Pizer Dzh. Konceptsiya "mirovoy literatury" u Gyote i sovremennaya globalizaciya kul'tury. [Pizer J. Goethe's "world Literature" paradigm and contemporary cultural globalization] Social and humanitarian sciences. Russian and foreign literature. Ser. 7, Study of literature: Review journal. 2003. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2003-02-001-pizer-dzh-kontseptsiya-mirovoy-literatury-u-gyote-i-sovremennaya-globalizatsiya-kulturny-pizer-j-goethes-world-literature> (In Russian).
3. Pileckij S.G. O gumanizme i transgumanizme. [About humanism and transhumanism] // Ideas and ideals. 2021. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-gumanizme-i-transgumanizme> (In Russian).
4. Heng R. Suicide club. Henry Holt & Company, 2018. 352 p. e-ISBN 9781250185358 (In English).
5. Ishiguro K. Never let me go. Faber and faber, 2005. 368 p. (In English).
6. Karen F. Stein Post-apocalypse, post-human: some recent dystopias // The Age of Dystopia: One Genre, Our Fears and Our Future. Cambridge, 2016. 180 p. (In English).
7. Smith R.I. Suicide Club Takes On the Tyranny of Wellness URL.; <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2018/08/suicide-club-takes-on-the-tyranny-of-wellness/568936/> (In English).

Received 27.09.2022

Kashulina E. V., postgraduate student at Department of foreign literature
Russian State Pedagogical University
1-ya liniya V.O., 52, Saint-Petersburg, Russia, 199053
E-mail: ekashulina@gmail.com